

УДК 821.161.1-3.09+929 Даль

Н. Л. Юган

Национальный украинский дискурс в литературной критике и переводах**В. И. Даля 1830-х гг.**

В статье рассмотрены рецензии В. И. Даля на повести и пьесу Г. Ф. Квитки-Основьяненко (1835, 1837) и сборник украинских народных песен П. Лукашевича (1836). В. И. Даль подчёркивает народность произведений Г. Ф. Квитки-Основьяненко, выразительность их языка. В критике на фольклорный сборник П. Лукашевича исследователь высказывает прогрессивные суждения о жизнеспособности, яркой самобытности и высокохудожественности малороссийских народных песен.

Ключевые слова: критика, повесть, пьеса, фольклорный сборник, украинский язык.

В 1830-х гг. у В. И. Даля формируется представление о национальном своеобразии народностей, которые населяют территорию огромной Российской империи. Показательно, что это происходит во время его пребывания и службы в Оренбургской губернии, которую представляли разные национальности, зачастую воспринимающиеся населением центральных регионов России как «экзотические» (киргиз-кайсаки, башкиры, татары, хивинцы и др.). Их самобытная культура (в частности, устное народное творчество и литература) обнаруживает близость к восточной, среднеазиатской традиции.

Неподдельный интерес у В. И. Даля вызывает украинская нация — менталитет, народные традиции, фольклор.

Отметим, что тема «В. И. Даль и Украина» достаточно хорошо изучена, в частности проанализированы личные и творческие контакты автора с известным малороссийским писателем Г. Ф. Квиткой-Основьяненко, опубликованные Казаком Луганским восторженные критические отзывы на его повести и пьесу «Сватанье» (работы А. Гулак [5—7], П. Волинского [3], О. Скибы [18] и др.). В нашей статье мы привлекаем этот материал для того, чтобы определить отношение В. И. Даля к украинскому языку и написанным на нём произведениям молодой национальной литературы, объяснить стремление писателя перевести на русский язык повесть Квитки «Солдатский портрет» и выявить переводческие установки просветителя. Мы обращаемся также к гораздо менее известной и изученной далевской рецензии на фольклорный песенный сборник «Малороссийские и червонорусские думы и песни» П. Лукашевича, в которой Казак Луганский утверждает самобытность и высокую эстетическую значимость и ценность украинского устного народного творчества.

Цель нашей работы — проанализировать критические статьи и переводы В. И. Даля украинской проблематики для выяснения его общественно-литературной позиции по актуальным проблемам современности.

В литературном творчестве Казака Луганского многие страницы посвящены Украине, украинскому народу и его фольклору. В его повестях и рассказах встречаем украинские песни, поверья, предания, анекдоты, пословицы и поговорки. Г. Ф. Квитка-Основьяненко посылал В. И. Далю украинские народные сказки «Відьма», «Лисичка-сестричка», «Климко-злодій», «Крадений зуб» [5—7; 18]. Казак Луганский не только переводил и публиковал присылаемые украинские сказки, но и писал их по мотивам национального фольклора с использованием украинской лексики («Побрехня запорожская»).

Глубокие размышления о национальной культуре, об отражении в ней характера народности, особенностей её исторического пути и судьбы нашли яркое воплощение в

© Юган Н. Л., 2013

литературно-критических выступлениях В. И. Даля, которые имели значительный общественный резонанс, и переводческой работе, также не оставшейся незамеченной современниками.

В 1830-е гг. писатель принял активное участие в дискуссии об украинском языке и литературе. В печати, в письмах и частных беседах он указывал на жизнеспособность и самобытность украинского языка и необходимость его развития. Казак Луганский накопил русскую общественность с произведениями украинской литературы, используя для этого различные пути: переводы на русский язык («Салдацкий патрет», «Відьма», «Лисичка-сестричка»), использование украинской речи в художественных произведениях («Распдох», «Савелий Граб» и др.), чтение на украинском языке в кругу интеллигенции, которая им не владела (повестей Г. Ф. Квитки-Основьяненко).

В молодой украинской литературе В. И. Даль увидел самобытность в изображении народной жизни и языка и приветствовал эти тенденции. В частности, ему очень понравились богатые этнографическими описаниями и деталями произведения Г. Ф. Квитки-Основьяненко, на которые он отозвался несколькими рецензиями.

На первую книжку «Малороссийских повестей» В. И. Даль поместил очень тёплый отзыв в газету «Северная пчела» за 1835 г. (№ 17 и 18) [10]. В рецензии отмечается, что повести Квитки отошли от традиций бурлеска, что их автор первый попробовал «обрабатывать предметы свои на малороссийском языке не наизнанку, а налицо» [10, № 17]. Попытка эта, по мнению В. И. Даля, полностью себя оправдала. Автор нарисовал верные картины народного быта и показал очарование украинского языка. Рецензента потрясает народность языка повестей Квитки, который вобрал в себя простоту и чистоту «языка малороссов»: «не только можно им заниматься для удовольствия и любопытства — должно изучать его, как пособие нашего языка» [10, № 17]. Национальное своеобразие языка настолько значительно, что и не нужно пробовать переводить произведения на русский: «Это вышла бы переводня, а не перевод» [10, № 18].

Это мнение В. И. Даля высказал и в рецензии на вторую книжку «Малороссийских повестей», опубликованную в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» за 1837 г. (№ 52): «Не прихоть Основьяненка заставила его беседовать с нами по-своему, а необходимость; нельзя по-русски высказать всё это с сохранением вполне цветов и красок нашего подлинника, не переводимого ни на какой язык, как всё самородное, перво-родное, подлинное» [11]. Мысли Даля об украинском языке прозвучали как признание возможностей его развития. Критик не ставил под сомнение правомерность выступления Квитки с повестями на украинском языке, а определил их национальное своеобразие. Характерно, в частности, и то, что В. И. Даль отбрасывал распространённый в его время взгляд на украинский язык как на наречие русского или польского языков, а ставил украинский в ряд с другими славянскими языками — чешским, польским, болгарским.

В критических отзывах Даля отмечается народность произведений Г. Ф. Квитки. Это особенно явственно в рецензии на пьесу «Сватанье», которая была помещена в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» (1837, № 39). Критик считает, что драматург изображает жизнь украинского крестьянина «с неподражаемой естественностью», его пьеса и другие произведения являются образцами «простонародной» литературы. Кстати, к данной категории В. И. Даль относит и «Малороссийские приказки» Е. Гребёнки [13, с. 384].

Критик пересказывает произведение, так как выражает сомнение, что многие «великорусские читатели» смогли познакомиться с текстом, написанном на «украинском наречии» [13, с. 382]. Таким образом, он, учитывая реальную ситуацию, сложившуюся в среде русской интеллигенции, ненавязчиво просвещает читательскую аудиторию, при-

влекает внимание общественности к опере, создаёт рекламу Г. Ф. Квитке-Основьяненко. В пересказе В. И. Даль подчёркивает художественные достоинства пьесы — комические ситуации и характеры, яркое своеобразие речи героев, песенность [13, с. 384]. Казак Луганский отмечает достоверность воссозданных в произведении национальных характеров. В конце критик вновь обращается к общественности, укоряет и стыдит тех, кто не знает малороссийского наречия, а следовательно, лишается «умилительного наслаждения упиваться мастерскими рассказами» Квитки [13, с. 384].

Как человек большой культуры и разносторонних духовных устремлений, В. И. Даль внимательно относился к новым явлениям в украинской фольклористике, следил за выходившими в свет фольклорными изданиями Украины. Так, по его просьбе Г. Ф. Квитка-Основьяненко в 1834 г. прислал только что изданный сборник «Малороссийских пословиц и поговорок» В. Смирницкого [16, с. 225]. В 1846 г. Даль обращается к И. И. Срезневскому с просьбой прислать сборники народных песен («Малороссийские песни» М. А. Максимовича (1836) и «Малороссийские и червонорусские думы и песни» П. Лукашевича (1836) [12].

В 1836 г. исследователь откликнулся рецензией на сборник П. Лукашевича «Малороссийские и червонорусские народные думы и песни» (СПб., 1836) [17]. В ней он дал глубокую характеристику издателю и его сборнику.

В. И. Даля интересовал не только непосредственный фольклорный материал, представленный в этом сборнике, он стремился объективно оценить и научно исследовать украинские народные песни в целом. Критик видел в них правдивое отражение не только исторического прошлого, но и быта народа, проявление его музыкальной и поэтической одарённости. Даль призывает беречь народную песню, которая является «радугой соединения прошедшего с настоящим, <...> ей передаёт народ трофеи предков, цепь воспоминаний и цвет чувства» [9, с. 94].

П. Лукашевич в предисловии к сборнику провозглашает, что народное творчество — это только остаток того прошлого, которое когда-то слышалось на берегах Днепра. Он считает, что «золотой век» народной поэзии ушёл в прошлое, а песни, которые ему посчастливилось записать, уже последние. Этим подчёркивалась неспособность современного украинского народа к поэтическому творчеству. Осуждая эти взгляды, В. И. Даль доказывает и научно обосновывает жизнеспособность украинской народной песни и её широкое распространение. Опираясь на факты, он подчёркивает, что «песни малороссийские поются в настоящее время в следующих губерниях: Каменец-Подольской, Киевской, Волынской, Полтавской, Черниговской, Таврической, землях Донских и Черноморских казаков» [9, с. 94]. Он также отмечает особенную песенность и чистоту наречия при их исполнении в целом ряде поветов Полтавской губернии (Кременчугском, Гадячском, Зиньковском, Роменском, Миргородском, Лохвицком, Прилуцком, Переяславском, Константиноградском, Кобеляцком, Пирятинском и др.).

П. Лукашевич старается аргументировать свои утверждения о «гибели» украинской народной песни разрушением старого украинского быта как фундамента народного творчества и воздействием «солдатской или великорусской песни». Он пишет: «Там (в Малороссии. — Н. Ю.) народные песни давным-давно уже не существуют; все они исключительно заменены солдатскими или великорусскими песнями; малороссийский парубок за стыд себе почитает петь другие» [9, с. 5]. «Все это совершенная неправда», — утверждает В. И. Даль. П. Лукашевич, по его мнению, знает Малороссию в границах «на запад от Харькова до Сум», видел её «в Курской и Воронежской губерниях» и после такого «далёкого» путешествия судит и рядит «о Малороссии, обитателях её и истории» [9, с. 94].

Особенно сильное возражение и даже возмущение В. И. Даля вызвала оскорбительная и унижающая оценка составителем сборника голосовых данных, вокальных природных способностей украинского народа, в частности его молодёжи: «совершенный вой волков» [9, с. 5]. Эти высказывания противоречат общераспространённому мнению об особой мелодичности и напевности украинской речи, красоте и задушевности малороссийских народных песен. Даль восклицает: «Если б голос простонародных украинских певцов был так отвратителен, как описывает издатель, то каким бы образом могли сохраниться мелодии и мотивы прекрасных песен в народе? И мог ли когда-либо сформироваться из этих людей единственный в мире хор придворных певчих?» [9, с. 94].

В рецензии В. И. Даля на сборник выразилась его любовь к украинской народной песне и глубокое её знание. Но русский фольклорист не останавливается на этом. Он стремится вызвать такое же отношение к песенному творчеству украинцев и в кругу русской интеллигенции. И, «чтобы сколько-нибудь сделать доступными для не знающих малороссийского языка силу чувства, заключающуюся в песнях русского юга», приводит для примера «три небольшие песни в переводе» [9, с. 94]. Одна из них военная, другая — женская, третья — «исполнена патриотизмом». Детально пересказывая читателю эти песни, В. И. Даль кратко, но вместе с тем точно комментирует их содержание и указывает на художественные особенности. В отличие от утверждений П. Лукашевича об упадке украинской народной песни, В. И. Даль доказывает, что она живёт и развивается. «Эта страсть к песням столь велика, что многие селения имеют собственные свои песни» [9, с. 95].

Критик принципиально отстаивает народную песню как вечно живой процесс, который обновляется и развивается, обращает внимание на заботливое отношение украинского народа к своей родной песне и отмечает, что даже те малороссыяне, которые в силу каких-то обстоятельств оказались «за Байкалом, в Сибири», «все они не изменили своей жизни, и все они остались верны своим обычаям, нравам, родному быту и языку» [9, с. 94]. В конце он задаётся вопросом: «Да и может ли народ, который некогда отстоял свою отчизну от владычества папы, тирании польских аристократов, который не без славы сражался против татар, Литвы, Польши, турок и Молдавии <...> может ли этот народ до того исказиться и переродиться, чтобы пренебрегать песнями предков?» [там же]. Видим, что критик обращает внимание на героическое прошлое украинского народа.

В. И. Даль называл украинскую народную поэзию самобытной, «по праву занимающей принадлежащее место в славянской литературе» [9, с. 94]. Вместе с тем он жалел, что ещё нет систематических сборников русских и малороссийских песен, ведь есть большая потребность сберечь эти перлы народной поэзии. Казак Луганский смотрел на песню не только как на непрерывный процесс, который развивается и отображает жизнь народа, а и как на важный фактор формирования патриотического самосознания народа.

Таким образом, раскритиковав спорные высказывания П. Лукашевича о развитии украинской народной культуры, В. И. Даль отмечает самобытность поэзии Малороссии, которая, по его убеждению, занимает значительное место в славянском фольклоре. Критик подвёл своеобразный итог собирательской деятельности на Украине первой половины XIX в.

В Оренбуржье Владимир Луганский осуществил перевод с украинского на русский язык произведения Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Солдатский портрет» и поместил его в пушкинский «Современник» (1837, т. 7, № 3). Кстати, автограф этого перевода хранится в Киеве в Отделе рукописей Института литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины (Ф. 67. № 77). Цель нашей работы — выявить специфику далевского перевода произведения Г. Ф. Квитки, сопоставив его с автопереводом (альманах «Сказка за сказкой» (СПб., 1842, т. III). Этот перевод не был предметом научного рассмотрения.

Произведение Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Салдацкий патрет. Латинська побрехенька, по-нашому розказана» вышло в свет в альманахе «Утренняя звезда» (Харьков, 1833, кн. 2). Рассказом Квитка намеревался высмеять тех критиков, которые, не зная культурных потребностей украинского народа, не понимая национальной литературы, негативно относясь к писателям Малороссии, брались судить о них. «Солдатский портрет» написан также в защиту новых эстетических принципов — сближения литературы с жизнью [2, с. 88—92; 4, с. 125—133].

Перевод В. И. Даля сопровождался авторским подстрочным примечанием: «Одна из повестей Грицька Основьяненка. Повести эти со временем, без сомнения, будут оценены по достоинству: поныне, кажется, украинское наречие, на котором они написаны, пугало наших читателей и читательниц. А жаль; очень не много таких вещей написано у нас и по-русски. Перевод — всегда только тень подлинника; перевод народной украинской повести на русский язык — менее полутени. Я желаю только возбудить, хотя в немногих, охоту — прочесть подлинник — вот почему решился я на перевод. Я уверился по опыту, что всякий, кто потрудится прочитать две страницы повестей Основьяненка, с помощью человека, знающего украинское наречие, третью страницу будет уже понимать сам» [14, с. 108]. В этом авторском комментарии писатель указывает на цели своей работы. Это высокие просветительские заботы — привлечение внимания общественности к достоинствам и красотам украинского языка, признание его самобытности, самодостаточности, стремление направить читателей на путь самообучения малороссийскому наречию.

Примечание вступает в своеобразный «диалог» с соответствующим комментарием редактора альманаха «Сказка за сказкой», который сопровождает автоперевод произведения Г. Ф. Квитки-Основьяненко: «Рассказ Грицька Основьяненки «Солдатский портрет» был напечатан по-малороссийски; имел большой успех; для не знающих малороссийского наречия, конечно, приятно будет прочесть эту повесть в русском рассказе самого автора; для каждого, даже для малороссиянина, «Солдатский портрет» в русском переводе справедливо покажется новостью» [15]. Как видим, побуждения и цели переводчиков такого программного, полемического произведения, как «Солдатский портрет», существенно различались. Конечно, нет ничего плохого и предосудительного в том, что автор по прошествии десяти лет решил дать свой собственный перевод произведения на русский язык и, наверное, исправить огрехи (или несоответствия его представлениям) далевского перевода.

Вместе с тем необходимо обратить внимание на то, как (ещё через 10 лет) по прошествии времени сам В. И. Даль характеризовал свои взаимоотношения с Г. Ф. Квиткой-Основьяненко и комментировал данную ситуацию в письме к Г. П. Данилевскому (31 мая 1854). Казак Луганский говорит о многолетних тёплых отношениях с Квиткой, их переписке, обмене фольклорным материалом, посвящении украинским писателем ему повести «Мертвецкий великдень». Далее позволим себе объёмную цитату: «Я думаю, что Квитка (подч. авт. — *Н. Ю.*) один из первых и лучших рассказчиков — на родном наречии своём; а с тех пор как Петербургские Западники успели сбить его с толку и уверить, что он обязан (подч. авт. — *Н. Ю.*) писать по-русски, — с той поры он ослаб и упал. Писатель, как Квитка, мог бы ожидать, что великорус выучится понимать его, если оценит и захочет читать; но, конечно, уже ни один читатель не вправе требовать, чтобы писали исключительно на том языке, который ему понятнее. Это нелепое требование, высказанное однажды повелительно в тогдашних журналах и в частных сношениях с сочинителем, заставило его однако же уступить, к прискорбию всех беспристрастных ценителей. Многословная болтовня его на природном языке всегда простодушна и умна; на русском же нередко пошловата» [8]. Вероятно, появление автоперевода «Солдатского портрета»

в популярном петербургском альманахе в 1842 г. не было для В. И. Даля случайностью. Этот факт он связывает с особенностями эволюции мировоззрения и творчества Квитки, являющейся для него (с его вызревающей концепцией «живого» национального народного языка) неприемлемой.

Общеизвестно, что Г. Ф. Квитка-Основьяненко создавал свои произведения и на украинском, и на русском языках. Трудно говорить о каких-то конкретных фактах «воздействия» на Квитку представителей русской интеллигенции, о которых писал Даль. Между тем обращает на себя внимание рецензия на перевод В. И. Далем на русский язык «Солдатского портрета» В. Г. Белинского: «Так-то лучше: а то мы, москали, немного горды, а ещё более того ленивы, чтобы принуждать себя к пониманию красот малороссийского наречия, если дело идёт не о народной поэзии. Ведь Гоголь умеет же рисовать нам малороссию на русском языке? Уверяем почтенного Грицьку Основьяненка, что если бы он написал свои прекрасные повести по-русски, то, несмотря на мудрёную для выговора фамилию автора, они доставили бы ему гораздо большую известность, нежели он пользуется на Руси, пища по-малороссийски» [1, с. 355—356]. Заметим, что, дав высокую оценку труду Даля-переводчика, критик своим высказыванием вступает с ним в определённое противоречие.

Вернёмся к сопоставлению переводческой работы В. И. Даля и Г. Ф. Квитки-Основьяненко.

Во втором подстрочном примечании к своему тексту В. И. Даль касается уже сути сделанного перевода: «Небольшие отступления от подлинника я вынужден был допустить по причинам, от переводчика и писателя не зависящим» [14, с. 109]. Говоря это, Казак Луганский имеет в виду, конечно, цензуру. Сноска относится к словам «да несите портрет пономарёвой кобылы», в оригинале же здесь и дальше идёт речь о поповой кобыле, об отце, а не о пономаре Никите. Квитка восстанавливает купированные цензурой места.

Остальные многочисленные расхождения в далевском переводе и автопереводе не касаются идейного содержания, это стилистические варианты. Приведём один пример, число которых можно значительно увеличить. В оригинальном тексте рассказчик-балагур не может вспомнить имя маляра и комментирует: «Ну, дарма; маляр та й маляр. І що то був за скусний! Та, морока його зна, як то гарно малював!» [15, с. 7]. В переводе В. И. Даля: «Ну, даром; маляр, да и только. И что за дока был! Леший его знает, как ладно писал!» [14, с. 108]. В автопереводе: «Вот на уме вертится, как звали его, да не вспомню... Да и нужды нет до его имени, нам важно его искусство» [16, с. 5].

В. И. Даль делает перевод ближе к первоисточнику. Он старательно ищет русские эквиваленты украинских слов и устойчивых словосочетаний, добиваясь сохранения оригинального стиля малороссийского рассказчика. У Квитки же перевод вольный. Автор не стремится выдержать разговорность интонаций, эмоционально окрашенные слова и выражения не сохраняет, а заменяет стилистически нейтральными единицами.

Рецензиями на украинские литературные и фольклорные издания 1830-х гг. и переводом «Солдатского портрета» В. И. Даль внёс свой вклад в развитие литературной критики и фольклористики, выступил в рядах тех передовых деятелей России, которые активно поддерживали становление украинской культуры и языка, развитие национальной литературы, стремление к тесному творческому единству между представителями науки и культуры двух братских народов.

Перспективой наших исследований в этом направлении является анализ далевских литературных произведений о Малороссии и выяснение их роли в творчестве автора.

Список использованной литературы

1. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. М. : Изд-во АН СССР, 1953. Т. 2.
2. Вербицька Є. Г. Григорій Федорович Квітка-Основ'яненко. Нарис життя і творчості. Харків : Харків. обл. вид-во, 1957. 132 с.
3. Волинський П. К. Теоретична боротьба в українській літературі. Перша половина XIX ст. К. : Держ. вид. «Худож. літ.», 1959. 441 с.
4. Гончар О. І. Григорій Квітка-Основ'яненко. Життя і творчість. К. : Наук. думка, 1969. 366 с.
5. Гулак А. М. Фольклористичні й літературні зв'язки Г. Ф. Квітки-Основ'яненка і В. І. Даля та їх місце в російсько-українських єднаннях // Народна творчість та етнографія. 1979. № 2. С. 23—29.
6. Гулак А. М. Фольклористичні і літературні взаємини Г. Ф. Квітки-Основ'яненка і В. І. Даля // Збірник тез доповідей та повідомлень республ. наук. конф., присвяч. 200-річчю з дня народження класика української літератури Г. Ф. Квітки-Основ'яненко. Харків, 1978. С. 56—57.
7. Гулак А. Н. В. И. Даль и Украина. (Украина и украинское народно-поэтическое творчество в сфере фольклористических и писательских интересов В. И. Даля) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. К., 1975. 26 с.
8. Даль В. И. Письмо Г. П. Данилевскому // ОР РНБ. Ф. 236. Архив Г. П. Данилевского. Ед. хр. 63. 2 л.
9. Даль В. И. Малороссийские и червонорусские народные думы и песни П. Лукашевича. СПб., 1836 : рецензия // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1837. № 10. С. 94—95.
10. Даль В. И. Малороссийские повести, рассказываемые Грицьком Основьяненком : кн. 1. М. : Тип. Лазаревых, 1834 // Северная пчела. 1835. № 17. 21 янв. С. 65—68; № 18. 22 янв. С. 69—71.
11. Даль В. И. Малороссийские повести, рассказываемые Грицьком Основьяненком : кн. 2. М. : В тип. Лазаревых, 1837 : [рецензия] // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1837. № 52. 25 дек. С. 512—515.
12. Даль В. И. Письмо к И. И. Срезневскому. 1846 / В. И. Даль // РГАЛИ. Ф. 436. Ед. хр. 1192. 7 л.
13. Даль В. И. Сватанье. Малороссийская опера : в 3 действ. Соч. Г. Основьяненко. Харьков : В губ. тип., 1836 : рецензия / В. И. Даль // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1837. № 30. 25 сент. С. 382—384.
14. [Квитка-Основьяненко Г. Ф.] Солдатский портрет / пер. с укр. яз. В. Луганского // Современник. 1837. Т. 7, № 3. С. 108—138.
15. [Квитка-Основьяненко Г. Ф.] Солдатский портрет. С малороссийского рассказа. Латинская побрехенька // Сказка за сказкой. СПб. : В тип. Штаба отдельн. Корпуса внутр. стражи, 1842. Т. 3. С. 5—32.
16. Квітка-Основ'яненко Г. Ф. Твори. К. : Худож. літ., 1964. Т. 6. 522 с.
17. Лукашевич П. Малороссийские и червонорусские народные думы и песни / П. Лукашевич. СПб., 1836. 147 с.
18. Скиба О. В. Фольклористичні та літературні взаємини Г. Квітки-Основ'яненко і В. Даля // Вісник Луганського держ. пед. ун-ту ім. Тараса Шевченка. Філологічні науки. Луганськ : Альма-матер, 2002. № 3 (47). С. 128—130.

Поступила в редакцию 21.05.2013 г.

Юган Наталья Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент
Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко
91011, Украина, г. Луганск, ул. Оборонная, 2
E-mail: ugannl@yandex.ru

UDC 821.161.1-3.09+929 Dahl

N. L. Yugan

Ukrainian national discourse in literary criticism and 1830 translations by V. I. Dahl

The article considers V. I. Dahl's reviews of Kvitka-Osnovianenko's short novels and a play (1835—1837) as well as Lookashevich's digest of Ukrainian folk songs (1836). V. I. Dahl underlines the national commitment of Kvitka-Osnovianenko's works and their linguistic expressiveness. Criticizing Lookashevich's folklore digest the explorer expresses the progressive judgements on vitality, bright «individuality» and «high artistic merit» of Ukrainian folk songs.

Key words: critics, short novel, play, folklore digest, Ukrainian (language).

Yugan Natalya Leonidovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Lugansk Taras Shevchenko National University
91011, Ukraine, Lugansk, ul. Oboronnaya, 2
E-mail: ugannl@yandex.ru